

18.11.97

Рязанов Эльдар

Известия. — 1997. — 18 маяб. — с. 7.

Карнавальная ночь: от рассвета до юбилея

«Я АБСОЛЮТНО НЕ ПОЛИТИК. И если бы вступил в партию, то только в одну — партию порядочных людей. Но такой партии нет...»

**Эльдар Рязанов.
(Из интервью).**

В СССР снималось много комедий. В том числе превосходных — Александрова, Даниелии, Захарова... Но «рыцарей комедии», как их называли, было двое: Гайдай и Рязанов.

Наивная энергичная «Карнавальная ночь», которая принесла первую славу Эльдару Рязанову и открытой им Людмиле Гурченко, могла сойти одновременно за мюзикл и за «острую сатиру», ибо «клеимила бюрократизм». Так писали. На самом деле — здоровая и устремленная в будущее молодежь посрамила бюрократа. Одного. Бюрократической системы как бы не существовало. Вывели на чистую воду Огурцова — и хорошее настроение не покинет больше нас. Это был римейк «Волги-Волги». И будет еще один римейк — «Дайте жалобную книгу», где всемогущий журналист мобилизует здоровую молодежь на борьбу с отрывками и пережитками. В сущности, глубинных конфликтов с советской властью у Рязанова не было. Его допекла обремененная властью глупость.

Советская власть сгнула, глупость осталась. И тогда Рязанов сразу перестанет делать комедии, впадет в настроения черные, станет певцом апокалипсиса. Но это случится позже, уже в наши дни.

Изящная его грузность, его обличье невероятно добродушного человека сами по себе создавали имидж умного Гаргантюа, любящего поест, поспать и вообще всячески наслаждаться жизнью. В жизни он вовсе не так добродушен, очень динамичен, и колчан с ядовиты-

ми стрелами всегда при нем. Внешность обманчива, но она определила маску. И та пристала к нему, подобно тому, как безоблачная Леночка из «Карнавальной ночи» пристала к Людмиле Гурченко. С кровью, но Гурченко эту маску содрала, стала великой драматической актрисой. Рязанову содрать не удалось.

Он в кино потом мог яростно махать кулаками, он мог быть сколь угодно язвителен и даже демонстрировать откровенные бессильные слезы, но они все равно уже воспринимались со смехом — образ добродушного простоватого мудреца, своего в доску, уже так прилип к нему и так беззаветно любим миллионами, что улыбки все равно возникают при одном упоминании имени: Рязанов.

К слову: это удивительно, как провидение распоряжается даже именами. Вообразите, что Рязанова бы звали, наоборот, Эйзенштейн — мог бы он тогда снять «Иронию судьбы»? Да никогда! Рязанов. Нашенский, из самой что ни на есть глубинки.

Он поэтому не мог стать режиссером международным. Он весь замешен на российском сознании, в том числе и на сознании советском, как бы потом от него ни отрешивался. Он начинал музыкальным фильмом «Весенние голоса» о самостоятельности профтехучилищ, и марширующие с песней трудовые резервы задали тонус его даже самым лирическим, самым нежным фильмам.

За то его и полюбили.

«ЕСТЬ ЧЕРТА В РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ — НЕТЕРПИМОСТЬ, неумение слушать. Русский национальный характер вообще не подарок, когда же к нему добавился еще и социализм, получилась просто гремучая смесь».

Как всякий порядочный комик, он захотел стать трагиком и мыслителем, делать картины мировоззренческие и драматические. Сделал. Где они? Рязанов до сих пор убежден, что его «Предсказание» практически не шло в России. Хотя шло даже по ТВ, где его видели все желающие. «Я делал фильм год, харкал кровью, высказал там все, что думаю и чувствую, как понимаю сегодняшнюю жизнь. А его не показали. Вся эта история для меня как ожог, и я не хочу больше работать в кино», — сказал он мне в 94-м.

Он сделал очень злой и горький портрет постперестроечной России в «Небесах обетованных», фильм шел широко и успешно. Но запомнились в нем не героическая фреска с бомжами, оставившими натиск железного тоталитарного прошлого-будущего, и даже не вольный полет паровоза, увозящего свободолюбивых бедняков подальше от новых жадных, а уморительная Ахеджакова, матом обучающая уморительную Волкову, как войти в образ интеллигентной нищенки.

Это для Рязанова настоящий горе. Он кричит, взывает, вопиет к небу и совести, а кругом детский азартный хохот.

В конце концов плюнул. Даже помирился с телевидением, которое до того посылал на все буквы алфавита (тоже за цензуру, за глупость чиновников, за непонимание серьезной миссии художника в этом мире). И стал делать не фильмы, а передачи. Об актрисах, которых снимал. Потом просто о женщинах, которых любит. Потом, когда веселое ожидание масс, вечно окружавшее его на родной земле, ему окончательно осточертело, он стал кочевать по свету и даже затеял снимать в Париже нескончаемую серию своих «Парижских тайн», интервьюируя полуугасших звезд.

Хотя я не могу вообразить, чтобы видный французский ре-

жиссер, вошедший в энциклопедию, стал бы снимать «Тамбовские тайны Франсуа Трюффо», где отлавливал бы для какой-нибудь «Антенн-2» Вячеслава Тихонова и Нонну Мордюкову. Здесь есть, при всем благородстве просветительских порывов, нечто не по рангу кино и мастера.

«Я БЕЛЛЕТРИСТ ПО ПРИЗВАНИЮ. Беллетристика — это когда человек умеет писать так, что нельзя оторваться».

Что же такое кино Эльдара Рязанова? То кино, которое стало основой его фантастической популярности, возведшей однажды рыцаря немудреной комедии в ранг первого советского режиссера (согласно опросу журнала «Советский экран» начала 90-х).

Это наш советский народный Голливуд. То, что пришло на смену лирическим лубкам Пырьева и пышным мюзиклам Александрова, американским по форме и советским по содержанию. При всей простоте его фильмографии Рязанова полюбили за то, за что вообще любили кино и что стало дефицитом. За надежду. За ту внутреннюю, с запасом, энергию, которая не дает впасть в пессимизм. За обаяние как угодно зубастого, но в конечном итоге доброго экрана.

Эти качества вознесли Рязанова на пик популярности и посорили с абсолютным большинством кинокритиков, для которых любая надежда — принадлежность лживого тоталитарного искусства. Киносказки у нас всегда любили топтать. Крепко доставалось и Александрову, и Меньшову с его оскороносной «Москвой, слезам не верящей», и Рязанову, который вместе со своим постоянным соавтором Эмилем Брагинским создал целый сериал, по зрительской любви лидирующий в нашей киноистории.

Этого кинематографа не было бы как без Рязанова, так и без

Брагинского. «Берегись автомобиля», «Служебный роман», «Ирония судьбы», «Старики-разбойники», «Зигзаг удачи», «Вокзал для двоих» оказались прочнее других лент, их беспрерывно показывают и, главное, беспрерывно смотрят. Конечно, кино Рязанова звездное, там что ни актер, то любимец. Но эти актеры снимались и у других режиссеров, а эффект не тот. Здесь словно бы коллективные галлюцинации, этаким всероссийским Кашпировским, который «дает установку» на хорошее настроение.

«АНЕКДОТ — САМЫЙ НЕДОЛГОВЕЧНЫЙ ТИП ЮМОРА. Ну что смешного найдет современный парень в анекдоте про «сиськи-маськи»? Он просто не поймет, о чем речь. А мы с вами понимаем, что это Леонид Ильич Брежнев с его незабываемой дикцией пытается сказать слово «систематически».

Хорошее настроение — это обязательно когда все хохочут. Это когда все друг друга понимают. Когда смеются над понятными слабостями, а если над врагом — то общим, по поводу которого на рынке выскажутся, может, и точнее, и энергичнее, но не так мило и смешно, как у Рязанова.

Потерять это счастливо обретенное простодушное мироощущение, эту чуткую синхронность с всегда глуповатым массовым сознанием — значит выпустить из нарядного шарика, которым влюбленно восхищаются миллионы, воздух. Он опадет и сразу станет миллионом неинтересен. Расставшись с Брагинским, круто сменив юмор на сарказм, добродушие на желчь, надежду на мотивы бегства из страны или с грешной земли, Рязанов перешел в новое качество, и оно уже не приносило ожидаемого отклика.

Изменилась жизнь. Исчезла любая система координат. Насту-

Фото Виктора АХЛОМОВА.

пило время хаоса, в котором только теперь, и сильно напрягшись, можно предугадать рождение новых устоев. Но к этому поколению 60-х оказалось не готово. Фильм «Привет, дуралеи!» Рязанова пытается надуть шарик оптимизмом искусственным, химическим. Шарик не надулся, потому что вокруг была совершенно незнакомая среда с сильным давлением. Долгое отсутствие в стране, вояжи по виллам французских знаменитостей сделали свое дело: если прежнюю советскую жизнь Рязанов знал как облупленную, жизнь новая ему непонятна вовсе. Его классические рождественские сказки опирались на грешную землю — в сказке о дуралеях паровоз, взявший старт еще в «Небесах обетованных», улетел уже куда-то в созвездие Альфа Центавра. 93-й год с лопнувшими надеждами на коммунистическое покаяние, с началом реванша, казалось, поставил

точку в последней оптимистической главе. «Я понял, что мы стра-на без руля и без ветрил. После случившегося у меня ощущение, что мы страна, в которой жить неприлично», — сказал он тогда. Теперь, перед собственным юбилеем, Рязанов отказывается от газетных интервью вообще: «Мне нечего сказать».

«МЕНЯЛИСЬ МОИ НАСТРОЕНИЯ И НАДЕЖДЫ. А убеждения не менялись: я всегда считал, что жить надо в нормальном обществе и править нами должны нормальные люди. Большевик у нас впитался в плоть и кровь, и каждый демократ у нас — демократ побольшевикски. Я точно знаю, что не хочу ни коричневых, ни красных. Но людей, которые бы мне нравились, пока нет. Недаром последние картины у меня такие печальные».

Долгая разлука с Брагинским, оказалось, — как долгая разлука с родиной. Сейчас замечательные соавторы, впервые за десятилетие, пишут сценарий вместе.

Взлетит ли шарик снова? И полюбит ли его так, как любили? Кругом инопланетяне. Инопланетные отношения, инопланетный юмор. Все, даже сказку, надо строить с нуля. И остается только верить, что у природы нет плохой погоды, что всякая погода благодать.

Вон ведь какая стала Москва красивая, вон сколько влюбленных в бесчисленных кафе на ее бульварах. Не жизнь — карнавальная ночь.

Валерий КИЧИН,
«Известия».

В материале использованы записи бесед с Эльдаром Рязановым, хранящиеся на моем диктофоне.

Карнавальная ночь: от рассвета до юбилея

Известия, 1997, 18 ноября, с. 7

«Я АБСОЛЮТНО НЕ ПОЛИТИК. И если бы вступил в партию, то только в одну — партию порядочных людей. Но такой партии нет...»

Эльдар Рязанов.
(Из интервью).

В СССР снималось много комедий. В том числе превосходных — Александрова, Данелии, Захарова... Но «рыцарей комедии», как их называли, было двое: Гайдай и Рязанов.

Наивная энергичная «Карнавальная ночь», которая принесла первую славу Эльдару Рязанову и открытой им Людмиле Гурченко, могла сойти одновременно за мюзикл и за «острую сатиру», ибо «клеимла бюрократизм». Так писали. На самом деле — здоровая и устремленная в будущее молодежь посрамила бюрократа. Одного. Бюрократической системы как бы не существовало. Вывели на чистую воду Огурцова — и хорошее настроение не покинет больше нас. Это был римейк «Волги-Волги». И будет еще один римейк — «Дайте жалобную книгу», где всеильный журналист мобилизует здоровую молодежь на борьбу с отрыжками и пережитками. В сущности, глубинных конфликтов с советской властью у Рязанова не было. Его допекла облеченная властью глупость.

Советская власть сгнула, глупость осталась. И тогда Рязанов сразу перестанет делать комедии, впадет в настроения черные, станет певцом апокалипсиса. Но это случится позже, уже в наши дни.

Изящная его грузность, его обличье невероятно добродушного человека сами по себе создавали имидж умного Гаргантюа, любящего поесть, поспать и вообще всячески наслаждаться жизнью. В жизни он вовсе не так добродушен, очень динамичен, и колчан с ядовиты-

ми стрелами всегда при нем. Внешность обманчива, но она определила маску. И та пристала к нему, подобно тому, как безоблачная Леночка из «Карнавальной ночи» пристала к Людмиле Гурченко. С кровью, но Гурченко эту маску содрала, стала великой драматической актрисой. Рязанову содрать не удалось.

Он в кино потом мог яростно махать кулаками, он мог быть сколь угодно язвителен и даже демонстрировать откровенные бессильные слезы, но они все равно уже воспринимались со смехом — образ добродушного простоватого мудреца, своего в доску, уже так прилип к нему и так беззаветно любим миллионами, что улыбки все равно возникают при одном упоминании имени: Рязанов.

К слову: это удивительно, как провидение распоряжается даже именами. Вообразите, что Рязанова бы звали, наоборот, Эйзенштейн — мог бы он тогда снять «Иронию судьбы»? Да никогда! Рязанов. Нашенский, из самой что ни на есть глубинки.

Он поэтому не мог стать режиссером международным. Он весь замешан на российском сознании, в том числе и на сознании советском, как бы потом от него ни отрешивался. Он начинал музыкальным фильмом «Весенние голоса» о самодельности профтехучилищ, и марширующие с песней трудовые резервы задали тонус его даже самым лирическим, самым нежным фильмам.

За то его и полюбили.

«ЕСТЬ ЧЕРТА В РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ — НЕТЕРПИМОСТЬ, неумение слушать. Русский национальный характер вообще не подарок, когда же к нему добавился еще и социализм, получилась просто гремучая смесь».

Как всякий порядочный комик, он захотел стать трагиком и мыслителем, делать картины мировоззренческие и драматические. Сделал. Где они? Рязанов до сих пор убежден, что его «Предсказание» практически не шло в России. Хотя шло даже по ТВ, где его видели все желающие. «Я делал фильм год, харкал кровью, высказал там все, что думаю и чувствую, как понимаю сегодняшнюю жизнь. А его не показали. Вся эта история для меня как ожог, и я не хочу больше работать в кино», — сказал он мне в 94-м.

Он сделал очень злой и горький портрет постперестроенной России в «Небесах обетованных», фильм шел широко и успешно. Но запомнились в нем не героическая фреска с бомжами, оставившими натиск железного тоталитарного прошлого-будущего, и даже не вольный полет паровоза, увозящего свободолобивых бедняков подальше от новых жадных, а уморительная Ахеджакова, матом обучающая уморительную Волкову, как войти в образ интеллигентной нищенки.

Это для Рязанова настоящая горе. Он кричит, взывает, вопиет к небу и совести, а кругом детский азартный хохот.

В конце концов плюнул. Даже помирился с телевидением, которое до того посылал на все буквы алфавита (тоже за цензуру, за глупость чиновников, за непонимание серьезной миссии художника в этом мире). И стал делать не фильмы, а передачи. Об актрисах, которых снимал. Потом просто о женщинах, которых любит. Потом, когда веселое ожидание масс, вечно окружавшее его на родной земле, ему окончательно осточертело, он стал кочевать по свету и даже затеял снимать в Париже нескончаемую серию своих «Парижских тайн», интервьюируя полуугасших звезд.

Хотя я не могу вообразить, чтобы видный французский ре-

жиссер, вошедший в энциклопедию, стал бы снимать «Тамбовские тайны Франсуа Трюффо», где отлавливал бы для какой-нибудь «Антенн-2» Вячеслава Тихонова и Нонну Мордюкову. Здесь есть, при всем благородстве просветительских порывов, нечто не по рангу кино и мастера.

«Я БЕЛЛЕТРИСТ ПО ПРИЗВАНИЮ. Беллетристика — это когда человек умеет писать так, что нельзя оторваться».

Что же такое кино Эльдара Рязанова? То кино, которое стало основой его фантастической популярности, возведшей однажды рыцаря немудреной комедии в ранг первого советского режиссера (согласно опросу журнала «Советский экран» начала 90-х).

Это наш советский народный Голливуд. То, что пришло на смену лирическим лубкам Пырцева и пышным мюзиклам Александрова, американским по форме и советским по содержанию. При всей пестроте его фильмографии Рязанова полюбили за то, за что вообще любили кино и что стало дефицитом. За надежду. За ту внутреннюю, с запасом, энергию, которая не дает впасть в пессимизм. За обаяние как угодно зубастого, но в конечном итоге доброго экрана.

Эти качества вознесли Рязанова на пик популярности и поссорили с абсолютным большинством кинокритиков, для которых любая надежда — принадлежность живого тоталитарного искусства. Киносказки у нас всегда любили топтать. Крепко доставалось и Александрову, и Меньшову с его оскароносной «Москвой, слезам не верящей», и Рязанову, который вместе со своим постоянным соавтором Эмилем Брагинским создал целый сериал, по зрительской любви лидирующий в нашей киноистории.

Этого кинематографа не было бы как без Рязанова, так и без

Брагинского. «Берегись автомобиля», «Служебный роман», «Ирония судьбы», «Старики-разбойники», «Зигзаг удачи», «Вокзал для двоих» оказались прочнее других лент, их беспрерывно показывают и, главное, беспрерывно смотрят. Конечно, кино Рязанова звездное, там что ни актер, то любимец. Но эти актеры снимались и у других режиссеров, а эффект не тот. Здесь словно бы коллективные галлюцинации, этаким всероссийским Кашпировским, который «дает установку» на хорошее настроение.

«АНЕКДОТ — САМЫЙ НЕДОЛГОВЕЧНЫЙ ТИП ЮМОРА. Ну что смешного найдет современный парень в анекдоте про «сиски-масиски»? Он просто не поймет, о чем речь. А мы с вами понимаем, что это Леонид Ильич Брежнев с его незабываемой дикцией пытается сказать слово «систематически»».

Хорошее настроение — это не обязательно когда все хохочет. Это когда все друг друга понимают. Когда смеются над понятными слабостями, а если над врагом — то общим, по поводу которого на рынке высказутся, может, и точнее, и энергичнее, но не так мило и смешно, как у Рязанова.

Потерять это счастливо обретенное простодушное мироощущение, эту чуткую синхронность с всегда глуповатым массовым сознанием — значит выпустить из нарядного шарика, которым влюбленно восхищаются миллионы, воздух. Он опадет и сразу станет миллионм неинтересен. Расставшись с Брагинским, круто сменив юмор на сарказм, добродушие на желчь, надежду на мотивы бегства из страны или с грешной земли, Рязанов перешел в новое качество, и оно уже не приносило ожидаемого отклика.

Изменилась жизнь. Исчезла любая система координат. Насту-

Фото Виктора АХЛОМОВА.

пило время хаоса, в котором только теперь, и сильно напрягшись, можно предугадать рождение новых устоев. Но к этому поколению 60-х оказалось не готово. Фильм «Привет, дуралеи!» Рязанова пытается надуть шарик оптимизмом искусственным, химическим. Шарик не надулся, потому что вокруг была совершенно незнакомая среда с сильным давлением. Долгое отсутствие в стране, вояжи по виллам французских знаменитостей сделали свое дело: если прежнюю советскую жизнь Рязанов знал как облупленную, жизнь новая ему непонятна вовсе. Его классические рождественские сказки опирались на грешную землю — в сказке о дуралеях паровоз, взявший старт еще в «Небесах обетованных», улетел уже куда-то в созвездие Альфа Центавра. 93-й год с лопнувшими надеждами на коммунистическое покаяние, с началом реванша, казалось, поставил

точку в последней оптимистической главе. «Я понял, что мы страна без руля и без ветрил. После случившегося у меня ощущение, что мы страна, в которой жить неприлично», — сказал он тогда. Теперь, перед собственным юбилеем, Рязанов отказывается от газетных интервью вообще: «Мне нечего сказать».

«МЕНЯЛИСЬ МОИ НАСТРОЕНИЯ И НАДЕЖДЫ. А убеждения не менялись: я всегда считал, что жить надо в нормальном обществе и править нами должны нормальные люди. Большевиком у нас впитался в плоть и кровь, и каждый демократ у нас — демократ побольшевиком. Я точно знаю, что не хочу ни коричневых, ни красных. Но людей, которые бы мне нравились, пока нет. Недаром последние картины у меня такие печальные».

Долгая разлука с Брагинским, оказалось, — как долгая разлука с родиной. Сейчас замечательные соавторы, впервые за десятилетие, пишут сценарий вместе.

Взлетит ли шарик снова? И полюбят ли его так, как любили? Кругом инопланетяне. Инопланетные отношения, инопланетный юмор. Все, даже сказку, надо строить с нуля. И остается только верить, что у природы нет плохой погоды, что всякая погода благодать.

Вон ведь какая стала Москва красивая, вон сколько влюбленных в бесчисленных кафе на ее бульварах. Не жизнь — карнавальная ночь.

Валерий КИЧИН,
«Известия».

В материале использованы записи бесед с Эльдаром Рязановым, хранящиеся на моем диктофоне.

Рязанов Эльдар

18.11.1997